

**БЕЖЕНЦЫ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ
В АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНИИ 1915–1918 ГГ.**

Тимофеева Елена Георгиевна, доктор исторических наук, профессор

Астраханский государственный университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: timofeeva.asu@mail.ru

Лебедев Сергей Владиславович, кандидат исторических наук, доцент

Астраханский государственный университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: dnsv@mail.ru

В статье исследуется проблема беженства в период первой мировой войны на примере Астраханской губернии. Введение в научный оборот комплекса неизученных ранее источников регионального характера позволяет охарактеризовать особенности реализации правительственной политики на местах, деятельность общественных организаций в отношении беженцев, проанализировать количественные, национальные, гендерные, иные аспекты беженского движения, рассмотреть вопросы взаимоотношений беженцев с местным населением, проведение досуга и др.

Ключевые слова: первая мировая война, беженство, беженцы в Астраханской губернии, система попечения над беженцами

**REFUGEES OF GREAT WAR
IN THE ASTRAKHAN PROVINCE OF 1915–1918**

Timofeeva Yelena G., D.Sc (History), Professor

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: timofeeva.asu@mail.ru

Lebedev Sergey V., Ph.D (History), Associate Professor

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: dnsv@mail.ru

In article, the fleeing problem during World War I on the example of the Astrakhan province is investigated. Introduction in a scientific turn of a complex not studied before sources of regional character allows to characterize features of realization of governmental policy on places, activity of public organizations concerning refugees, to analyze quantitative, national, gender, other aspects of refugee movement, to consider questions of relationship of refugees with local population, carrying out leisure, etc.

Keywords: World War I, fleeing, refugees in the Astrakhan province, care system over refugees

В миграционных потоках Первой мировой войны в Астраханскую губернию заметны беженцы. Война обрушилась бесчисленными бедами и страданиями на мирное население. С приближением линии фронта, нашествием грозного врага, люди добровольно или вынужденно, по приказу военных властей, покидали свои дома, лишались крова, имущества, привычного бытования. Беженство стало общей болью и требую-

щей решения проблемой всего русского общества. Этот процесс значительно активизировался с отступлением русской армии летом 1915 г.

Положение «Об обеспечении нужд беженцев» (30 августа 1915 г.) определяло содержание и направления государственного попечения о переселенцах. Перед местной администрацией встали вопросы принятия, размещения, оказания им необходимой помощи. Особые совещания (губернское и городское) призваны были направлять деятельность всех учреждений и организаций. Губернатор И.Н. Соколовский координировал масштабную работу по призрению беженцев, он же возглавил в марте 1915 г. местное отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны (Татьянинский комитет), созданного в сентябре 1914 г. для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий [3]. Во главе земского комитета помощи беженцам стоял председатель губернской земской управы М.П. Романов, городского – титулярный советник Е.Ф. Бонасевич [1, 2]. Активность в «беженском вопросе» проявляли национальные общества, особенно польское и еврейское.

В июне 1915 г. И.Н. Соколовский проинформировал властные структуры, что в Астраханскую губернию с «западного театра войны» по железной дороге или «водой» должны прибыть беженцы. Полицейстеру вменялось еженедельно (по средам и субботам) докладывать о количестве переселенцев в городе. Спешно собирали сведения о свободных зданиях для размещения беженцев. Это были помещения бывших пивных, чайных, столовых, кебавен, харчевен, трактирных, бильярдных, не востребовавшихся с введением «сухого» закона, на 1 и 5 Бакалдинских улицах, Паробичевом бугре, Семиковской площади, Криуше (столовые «Армения», «Морена», «Польша», чайная «Зеленый остров» и др.). Губернский комитет рассматривал предложение Астраханского епархиального комитета по устройству быта беженцев помещения Благовещенского женского монастыря, Покрово-Болдинского мужского монастыря и др. Поиском квартир занимались и уездные комитеты. По г. Астрахани определили 231 свободное помещение с 912 комнатами и 4691 «койками» в них на сумму аренды в 14 329 руб. в месяц (171958 руб. в год).

Ввиду ожидающегося прибытия большого числа беженцев, астраханское отделение польского общества помощи жертвам войны в Петрограде, с согласия губернатора открыло 1 августа 1915 г. Бюро труда (на Католической улице) для оказания помощи в трудоустройстве переселенцев. Осенью 1915 г. постановлением губернского земского комитета помощи беженцам были образованы консультационные бюро и бюро труда. Справочное бюро и бюро труда создали и при городском комитете [4].

Особое совещание при губернаторе в начале августа 1915 г. определило тактические шаги по приему и расселению переселенцев. Предполагалось разместить 1300 беженцев в Царевском уезде, по 1000 – в Енотаевском и Черноярском уезде, 1500 – в Красноярском уезде, в Астрахани – 600 человек (в домах Косова, Влодаркевича, Трудолюбия).

В июле в городе появились первые беженцы. 15 августа 1915 г. их насчитывалось 82 человека. 17 августа 1915 г. в Астрахани ожидали прибытия партии беженцев в количестве 45 человек взрослых и 13 детей из Саратова. Вслед должна была прибыть вторая партия беженцев в числе 1600 человек, выехавших по железной дороге из Воронежа. Для встречи на вокзале первой партии полицмейстер Робуш назначил наряд из «двух околоточных и 5 городовых» [5]. Дальше информация о прибытии беженцев напоминала фронтовые сводки. В губернии началась масштабная работа по обустройству переселенцев. Телеграфно сообщалось о тысячах беженцев, следовавших в Астрахань. Так, в августе 1915 г., «маршрутными» поездами (от пункта отправки до места пребывания) из Чернигова прибыли более 4 тысяч человек (4638). В циркуляре Департамента полиции 17 августа 1915 г. говорилось о «льготном отношении» к благожелательно настроенным к России славянам из Галиции беженцам, австрийским подданным не имевшим в большинстве случаев документов, о снабжении их временными удостоверениями («временными видами на жительство»), позво-

лявшим устроиться на работу. 20 августа врач Усая-Розенберг в присутствии при-става Делекторского произвела освидетельствование 466 беженцев-галичан, при-бывших в Астрахань. Все были здоровы [6]. На август–октябрь 1915 г. пришелся пик беженского потока в Астраханскую губернию.

Прибывших беженцев встречали (служащие учреждений, студенты) и препрово-ждали на врачебно-питательный пункт, где их кормили, предоставляли кров и оказы-вали медицинскую помощь. После этого людей распределяли по уездам Астраханской губернии. Из рапорта астраханского уездного исправника от 21 августа 1915 г. явство-вало, что две партии беженцев, прибывших утренним поездом в 1228 и 180 человек были распределены в г. Енотаевск (348 человек), г. Черный Яр (354 человека). 635 бе-женцев устроили в Астраханском уезде, где оказалось в общем числе 974 переселенца (в сентябре – 1629 человек). 71 человек оставили во врачебно-питательном пункте. 30 августа прибыли в Астрахань 534 беженца из Холмской губернии, их распределили по уездам Астраханской губернии. 1, 2, 7 сентября из Холмской губернии доставили еще 1608 беженцев, из которых 529 человек – дети. 4 сентября 1915 г. добрались до города 895 беженцев «с Карпат», 228 человек – из Волынской губернии. Перед закрытием на-вигации в ноябре 1915 г. пароходами отправили в Астраханский уезд 450 человек, в Енотаевский – 300, в Красноярский – 450, в Царевский – 400 человек. Остальных пре-проводили до места назначения по железной дороге [7].

В Астрахани к концу октября 1915 г. находилось 863 беженца, в начале ноября-3935 человек, это несмотря на заявление губернатора, что ввиду «переполнения» го-рода «войсками и лазаретами» он не может оставить здесь более 1000 человек и в ближайшее время отправит их «пароходами в села», в губернском центре количество мигрантов превосходило названную цифру. На 5 января 1916 г. в Астрахани по офи-циальным данным находилось 2925 беженцев (721 мужчина, 853 женщины, 1351 ре-бенок). В июне того же года в губернском центре « осело» 5942 беженца (3,92 % по отношению к коренному населению). В Астраханской губернии динамика приема и размещения беженцев выглядела следующим образом: в октябре 1915 г. – 16050 че-ловек, в декабре 1916 г. – 43821 человек, в мае 1917 г. – 50 418 человек [8].

В мае 1917 г. на учете Городского комитета состояло 8068 человек. Получали «паек натурой» – 775, «паек деньгами» – 291 человек. Всего состояло «на продовольствии» 1066 человек. На продовольственный паек в полном объеме могли рассчитывать четверо членов семьи, остальные получали его в половинном размере. Подобные меры призваны были мотивировать беженцев к занятию трудовой деятельностью [9].

Прибывшие в Астрахань беженцы (русские, поляки, евреи, галичане, латыши, немцы и др.) должны были зарегистрироваться. В регистрационной карточке указы-валась национальная и религиозная принадлежность, пол, возраст, профессия, место жительства и другие характеристики. После этого переселенцам выдавали «бежен-ский билет», куда были вписаны члены семьи. В билете делали пометки о предостав-ленной работе, получении различных видов помощи (одежды, обуви, пособия на обучение и др.). Тот, кто не имел документов получал временное удостоверение. В реаль-ной жизни произвести точный учет беженцев было практически невозможно, из-за сбоев в работе регистрационных отделов, болезни, смерти беженцев, значившихся в одних спи-сках, и не отраженных в других, самостоятельных перемещений людей и других причин. Учитывались в основном те лица, которые получали от государства установленный «па-ек», как правило, это были остро нуждавшиеся в помощи люди.

На продовольствие беженцам выделяли 20 коп. в день из расчета: хлеба 2 фунта – 6 коп., мяса 0,5 фунта – 7,5 коп., «приварка» (капуста, крупа, картофель, сало, коре-нья, соль и др.) – 4,5 коп., чая и сахара – 2 коп. Со временем эта цифра то станови-лась меньше (15 коп.), то увеличивалась (до 25 коп.). Губернский земский комитет ходатайствовал об увеличении суммы. Общая дороговизна диктовала цену в 24,5 – 28,5 коп. Следовало учитывать местные особенности. В Астрахани питались «при-возным» хлебом. Черный хлеб стоил в город 3 коп. за фунт, белый – 6 коп., в сель-

ской местности – дорожке. Культура выращивания картофеля была не свойственна краю, она была мало распространена в губернии. Цена за пуд равнялась 60–80 коп. Высокими были цены на овощи. «Астраханский огород» требовал искусственного орошения. Свиное сало стоило 30–40 коп. за фунт. Молоко, необходимое детям, – от 25 до 40 коп. за кварту [10].

Председатель Черноярской уездной земской управы в сентябре 1915 г. докладывал губернатору о размещении в уезде 1650 беженцев, «весьма остро» нуждавшихся в теплой одежде и обуви. Отсутствие «местных средств», «чрезвычайно слабого» потока пожертвований побудило его ходатайствовать о 5000 рублей аванса. В ноябре 1915 г. в уезде было уже 2600 беженцев. Астраханский уездный земский комитет также просил в сентябре 5000 рублей на обеспечение нужд 1558 беженцев, которых не на что было кормить. В ноябре 1915 г. в Астраханском уезде разместили 2700 беженцев, в Красноярском уезде их насчитывалось до 2600, Царевском – 4100, в Енотаевском – 2700 человек.

Не допустимая с точки зрения губернатора, сложилась ситуация в Николаевской слободе Царевского уезда, где 350 беженцев, взрослые и дети, находились в ужасном положении, были «полуголые» и «полуголодные», размещены в непригодном помещении. Председателю губернской земской управы 2 октября 1915 г. вменялось в обязанность безотлагательно выделить для решения вопроса средства.

В других уездах губернии также не хватало денег для удовлетворения нужд беженцев. Из Енотаевского уездного комитета обращались к губернатору с просьбой не присылать больше беженцев. Конкурентами последним в «расквартировании» и «продовольствии» составляли военнообязанные германские и австрийские подданные, «политические» и другие поднадзорные лица. По числу жителей Енотаевский уезд являлся одним из меньших в Астраханской губернии. Там уже в октябре 1915 г. находилось 2550 беженцев, ожидали прибытия еще 600. При неразвитом сельском хозяйстве уезд не мог обеспечить нужды большого количества беженцев. В ноябре губернатору докладывали, что беженцы, помещенные в Сокрутовке и соседних селах имели «сильную нужду». На безотлагательную помощь переселенцам губернатор перевел в Енотаевск 2000 руб. 450 руб. получил от губернатора Николаевский комитет по оказанию помощи беженцам.

Нуждались в теплой одежде и обуви 30 % беженцев. У тех кто «осел» в Царевском уезде нужда в одежде была еще выше (у 80–90 % человек). Для предупреждения эпидемических заболеваний, крестьян просили организовать для беженцев мытье в бане, выдавали беженцам мыло. В селе Селитренном Енотаевского уезда сельское общество «уступило» деревянную церковную сторожку и необходимое количество кирпича для обустройства бани для беженцев. На эту цель Енотаевскому земству выделили 500 руб.

В декабре губернатор сообщил в Петроград, что ассигнованная на содержание беженцев сумма в 100000 руб., вместо просимых 240000 руб., была израсходована. Беженцы терпели нужду. Существовала угроза распространения эпидемии тифа. К 14 декабря 1915 г. зафиксировали 32 случая заболевания сыпным тифом. Из центра пришла сумма в 200000 руб. (декабрь 1915 г.), затем (в феврале 1916 г.) – еще 137800 руб. Согласно циркулярного распоряжения (9 февраля 1916 г.) из общего кредита, выделенного на беженцев, должны были содержаться и высланные в Астраханскую губернию немцы – колонисты («на одинаковых основаниях»).

Несмотря на принятые меры по обустройству беженцев, проблем оставалось немало. В селении Яндыковской волости Астраханского уезда продовольственный паек высылался комитетом «весьма неаккуратно», причитавшиеся беженцам деньги доходили с большим опозданием. Переселенцы, жившие в «селе Корованном», подали губернатору жалобу, что с 18 декабря 1915 г. по 4 января 1916 г. не получали «пак». В селах Михайловском, Яндыки, Промысловке «пак» не выдавался с 1 января по 25 января 1916 г. Беженцы жаловались и на «невыдачу» мыла, керосина.

Ненадлежащим образом выполнял свои обязанности комитет села Житное Икрянинской волости по отношению к находившимся там переселенцам.

Представители комитета помощи беженцам Яндыковской волости, раздали переселенцам поровну деньги, отпущенные за заготовку одежды и обуви для самостоятельного приобретения вещей, не проверив, на какие цели они были потрачены. Уездный комитет доставлял необходимые продукты (крупы и картофель) в пригородные села, а в отдаленные же села (Михайловка, Басы, Промысловское) продукты не подвозили. В Михайловке не было в продаже муки, керосина, мыла. Следовало исправить ситуацию, не допускать срывов в получении денежного пособия, учитывая «слабое почтовое движение» (один раз в неделю) и «дальность расстояния» [11].

Городской комитет по презрению беженцев, расположившийся на Вейнеровской площади, осенью 1915 г. непосредственно занимался поиском квартир, предоставлением продовольственной и медицинской помощью обездоленным людям. За период с августа по октябрь 1915 г. было выдано еженедельных пайков «натурой»: взрослым – 29713 и детям – 10751. Медицинскую помощь оказывал санитарный врач и три фельдшерицы. В планах комитета значилось открытие двух приютов на 100 детей, двух яслей на 100 детей, увеличение штата врачей и фельдшеров, открытие трех амбулаторий и специально «соматической» больницы на 50 человек, выдача ссуд и пособий на открытие предприятий беженцами, определение инвалидов – беженцев в богадельни, открытие бюро труда для «подыскивания заработка трудоспособным», информационного бюро «для справок об оставшихся членах семьи», оказание юридической помощи беженцам, координация деятельности национальных комитетов, снабжение неимущих беженцев одеждой, обувью, учебниками и т.д. Много из задуманного Городскому комитету удалось реализовать в будущем [12].

Татьянинский комитет удовлетворил просьбу комитета об отпуске средств (720 руб.) для лечения больных беженцев «грязями». В августе 1916 г. Тинакская грязелечебница приняла 12 беженцев на льготное лечение (по 60 руб. за человека) [13].

По настоянию губернатора Соколовского в декабре 1915 г. произвели осмотр мест размещения беженцев в Астрахани, признав удовлетворительным содержание призреваемых, выявив основные проблемы. Среди них не только острая нужда в одежде, обуви, но и нехватка рабочих мест.

Найти работу в крупном городе, где в военное время сосредоточена большая масса людей, а работа носила сезонный характер, было непросто. Предпочтения беженцы отдавали поденным работам. Реальный заработок часто скрывали из-за боязни лишиться «пайка». В Астрахань прибывали беженцы разных профессий: столяры, кузнецы, чернорабочие, плотники, пекари, сапожники, повара, дворники и др. Число безработных беженцев в сентябре 1915 г. в Астраханской губернии составляло 2972 человек. Сложнее найти работу было лицам «интеллигентных» профессий. На 2 января 1916 г. в городе состояло 3167 беженцев (758 мужчин, 980 женщин и 1429 детей) – русские, поляки, латыши, немцы, евреи, галичане. Среди портных (30) и портних (24), торговцев (47) доминировали евреи. Среди чернорабочих – поляки (108). Они преобладали в числе тех, кто занимался «домашностью» (165 человек). В Астрахани наблюдался спрос на услуги дворников, кухарок, горничных, нянь. Беженцы трудились на речных судах, железной дороге, рыбных промыслах, на городских предприятиях. 16 беженцев приняли в августе 1915 г. на службу в городскую пожарную команду (мигрантов из Волынской, Холмской, Гродненской губерний). Два человека поступили на службу в сентябре 1915 г.: А.Л. Журавский из Витебской губернии, Н.В. Петрашкевич из Ковенской губернии. Городским комитетом была организована работа для женщин, имевших детей. Так, например, под умелым руководством латышек, около 300 беженок занимались разматыванием старых сетей, зарабатывая при этом от 70 до 80 коп. в день. Астраханским отделением Татьянинского комитета в январе 1916 г. были организованы трудовые артели беженцев (рыбачья, плотников, петлевязальщиков, дровосеков) на необходимый для этих целей инвентарь отпустили 3724 руб.

В феврале 1916 г. из 2754 беженцев, находившихся в Астрахани, 1612 человек были «свободны от работы» (430 мужчин, 540 женщин, 642 подростка). Не работали 178 русских, 5-русин, 502 поляка, 794 еврея, 47 немцев, 86 латышей. В профессиональном плане были не востребованы 479 чернорабочих, 109 человек, занимавшихся «домашностью», 116 человек («из прислуги»), 31 человек («из интеллигентов»), 48 торговцев, 27 плотников, 69 модисток, 16 сапожников, 8 слесарей и др. [14].

Для согласования действий существовавших в губернии комитетов помощи беженцам в феврале 1916 г. было создано Центральное бюро труда. Несмотря на оказываемую помощь, проблему трудоустройства беженцев не удалось решить в полном объеме.

Много прошений поступало от беженцев, занятых розыском пропавшего имущества, близких родственников, возможностью уехать в другой город или вернуться на родину. В сентябре 1915 г. губернатора о переезде к родственникам на постоянное место жительства в Самарскую губернию просил крестьянин Е.А. Клементьев, проживавший в общежитии дома Косова. При эвакуации из Риги он с женой и сыном, попав в поток беженцев, был отправлен в Астрахань. Просил выдать билет на бесплатный проезд пароходом до пристани Белый Яр на реке Волге. Беженец из Холмской губернии А.И. Гуль просил отправить его г. Стародуб сыну-гимназисту. В г. Полтаву к родственникам просила отослать ее беженка С.И. Сегень – жена унтер-офицера Варшавского губернского жандармского управления. Выслана в Астрахань из Черниговской губернии, не знает, где муж. Осталась без средств к существованию [15].

Многие беженцы лелеяли надежду скорее вернуться домой. Не дожидаясь официальных разрешений, сами добирались до желанной родины. В октябре 1915 г. Главноуполномоченный по устройству беженцев князь Урусов телеграфировал губернатору, что ввиду продолжавшегося «обратного движения» беженцев, следовало воспрепятствовать учреждениям и организациям выдавать им удостоверения, бесплатные билеты на проезд.

В июне 1916 г. губернатор получил телеграмму генерал-адъютанта Брусилова, уведомлявшего его о самовольном прибытии в Полтаву партий беженцев-галичан из Астраханской губернии. Соколовский потребовал от астраханского полицмейстера принять экстренные меры к недопущению самовольного отъезда беженцев в прифронтовые губернии до момента пока правительством не будут созданы условия для такого возвращения. Следовало усилить разъяснительную работу среди беженцев всем, кто занимался потребностями переселенцев [16].

Одной из важных задач в системе призрения беженцев выступала организация обучения детей. В Астрахани они учились не только в специально созданных для них школах (при общежитии в доме Вейнера, при еврейском и польском комитетах и др.), но и поступали в действовавшие учебные заведения. В 1 мужской гимназии обучалось 18 человек, во 2 мужской гимназии – 5, в Реальном училище – 11, духовной семинарии – 1, женской гимназии Н.С. Шавердовой – 11, в Мариинской гимназии – 1 человек и др. Городской комитет просил губернатора в марте 1916 г. из средств Татьянинского комитета ассигновать 820 руб. для обучения девочек в гимназии Н.С. Шавердовой и Мариинской гимназии. Обучение в гимназии Шавердовой в I классе стоило 40 руб., во II – 80 руб., в VI классе – от 40 до 90 руб. Город платил за детей-беженцев по 15 руб. Беженец Иван Романенко в августе 1916 г. просил для своей дочери, обучавшейся у Шавердовой, пособие в 75 руб. для приобретения одежды, обуви и учебников. Другие учебные заведения освободили школьников-беженцев от платы за обучение.

Инициативой доктора М.М. Холевинской астраханское общество откликнулось на проблемы детей-беженцев, оказав действенную помощь в снабжении их одеждой, обувью, учебниками.

На устройство приюта для 30 девочек Астраханский губернский земский комитет выделил 1500 руб. вместо просимых 2100 руб. («вполне достаточно»).

О «весьма большом количестве» детей, желавших продолжать обучение в Астрахани и других «пунктах» губернии в декабре 1915 г. сообщал губернский земский комитет (ходатайства учащихся беженцев об учебниках, теплой одежде, плате за квартиру и др.). Следовало предоставить именной список учащихся и охарактеризовать степень нужды каждого [17].

После февральской революции 1917 г. губернское совещание упразднили, создав губернский комитет под председательством губернского комиссара, включивший представителей всех организаций, занимавшихся беженскими делами. Функционировали и городские совещания. Поток беженцев увеличивался, средств на решение их проблем катастрофически не хватало. Весной 1917 г. в Астраханской губернии размещалось более 50 тыс. беженцев. Началась «советизация» беженцев, создан Всероссийский союз беженцев, активизировали деятельность городские и уездные беженские советы. Беженца, ставшего на чужбине «добычей жадного домовладельца и квартирохозяина, алчного торговца и спекулянта, опустошивших окончательно беженский кошелек», новая власть успокаивала надеждой, что «все, лишившиеся имущества, будут удовлетворены». Для отстаивания своих интересов беженцам необходимо объединить усилия. Однако системный внутренний кризис, устранение людей, «знавших хорошо дело изнутри», ликвидация прежних структур и др., не позволили в условиях демократизации страны эффективно решить беженские проблемы.

Астраханская губерния, стоявшая на пороге голода осенью 1917 г., не в состоянии была обеспечить такое количество людей. Начавшееся централизованное переселение беженцев в «северные уезды» было не закончено. В России грянул революционный октябрь 1917 г. Беженцы самостоятельно покидали пределы губернии. В ноябре 1917 г. Астраханский губернский комиссар Аствацатуров с чувством глубокой обеспокоенности сообщал о фактах продажи беженцами своих «видов на жительство» с последующими заявлениями о якобы их утере. Городскую милицию он призвал тщательно расследовать подобные случаи и давать объявления в Губернских ведомостях о недействительности того или иного «утраченного вида на жительство».

С приходом к власти большевиков, прекратилось финансирование деятельности по выдаче пайков беженцам. Советское правительство до весны 1918 г. не предпринимало действенных мер в отношении беженцев. Процесс их возвращения домой растянулся до середины 1920-х гг.

Список литературы

1. Алиева А. Н. Деятельность Астраханского городского комитета по устройству беженцев в годы Первой мировой войны (по материалам собрания Астраханского музея-заповедника) / А. Н. Алиева // Всероссийская научная конференция, посвященная 175-летию Астраханского музея-заповедника. – Астрахань : Издательский дом «Астраханский университет», 2012. – С. 126.
2. Алиева А. Н. Участие астраханского земства в оказании помощи беженцам в 1915–1918 гг. / А. Н. Алиева // Астраханские краеведческие чтения : сборник статей. – 2011. – Вып. III. – С. 115.
3. Астрахань в событиях Великой войны: 1914–1918 годы / Е. Г. Тимофеева, А. И. Байгупкин, С. В. Лебедев, А. В. Олейников, К. С. Федина. – Астрахань : ООО «Типография «Нова», 2014. – С. 209.
4. Государственный архив Астраханской области (ГААО). – Ф.289. – Оп. 1 – Д. 960. – ЛЛ. 1об.–31 ; Д. 994. – ЛЛ. 58–60.
5. Астраханский вестник. – 16 августа 1915. – № 170 ; ГААО. – Ф. 289. – Оп. 1. – Д. 960. – Л. 27 ; ГААО. – Ф. 289. – Оп. 1. – Д. 994. – ЛЛ. 50, 147.
6. ГААО. – Ф. 289. – Оп. 1. – Д. 994. – ЛЛ. 291, 297, 300, 320, 323, 331, 351, 357–358.
7. ГААО. – Ф. 289. – Оп. 1. – Д. 994. – Л. 37 об., 475, 484–486, 488.
8. Известия Всероссийского Союза городов. – 1915. – № 20. – С. 27 ; ГААО. – Ф. 289. – Оп. 2. – Д. 85. – Л. 47 ; Оп. 1. – Д. 975. – Л. 22 ; Известия Всероссийского Союза городов. – 1916. – № 39. – С. 56 ; ГААО. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 1437. – Л. 50 ; Д. 1560. – Л. 2 ; Оп. 8. – Д. 1281. – Л. 2, 201.

9. ГААО. – Ф. 1. – Оп. 8. – Д. 1281. – Л. 163.
10. ГААО. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 1560. – ЛЛ. 36, 50–50 об.
11. ГААО. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 1560. – Л. 18, 28, 30, 43, 51, 56, 63, 67, 87, 89, 90, 115–120, 124–125.
12. ГААО. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 1560. – ЛЛ. 5–6.
13. ГААО. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 1437. – Л. 338, 356, 400.
14. ГААО. – Ф. 289. – Оп. 1. – Д. 975. – Л. 1–16, 149–149 об. ; Д. 994. – Л. 633.
15. ГААО. – Ф. 289. – Оп. 1. – Д. 994. – Л. 552–553, 98.
16. ГААО. – Ф. 289. – Оп. 1. – Д. 960. – Л. 212, 444.
17. ГААО. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 1437. – Л. 115, 122, 138, 302–309.

References

1. Alieva A. N. Deyatel'nost' Astrakhanskogo gorodskogo komiteta po ustroystvu bezhentsev v gody Pervoy mirovoy voyny (po materialam sobraniya Astrakhanskogo muzeya-zapovednika) [Activity of the Astrakhan city committee on the device of refugees in the years of World War I (on materials of meeting of the Astrakhan museum and the reserve)]. *Vserossiyskaya nauchnaya konferentsiya, posvyashchennaya 175-letiyu Astrakhanskogo muzeya-zapovednika* [All-Russian Scientific Conference, dedicated to the 175th anniversary of the Astrakhan Museum], Astrakhan, Astrakhan University Publ. House, 2012, pp. 126.
2. Alieva A. N. *Uchastie astrakhanskogo zemstva v okazanii pomoshchi bezhentsam v 1915–1918 gg.* [Participation of the Astrakhan zemstvo in assistance to refugees in 1915–1918]. *Astrakhanskije kraevedcheskie chteniya* [Astrakhan Local History of Reading], 2011, issue III, pp. 115.
3. Timofeeva Ye. G., Baygushkin A. I., Lebedev S. V., Oleynikov A. V., Fedina K. S. *Astrakhan v sobytiyakh Velikoy voyny: 1914–1918 gody* [Astrakhan in events Great voyny: 1914–1918 years], Astrakhan, OOO «Tipografiya «Nova» Publ., 2014, pp. 209.
4. State Archive of the Astrakhan Region (SA AR), f. 289, op. 1, d. 960, ll. 1ob.–31 ; d. 994, ll. 58–60.
5. *Astrakhanskiy vestnik* [Astrakhan Messenger], 16 August 1915, no. 170 ; SA AR, f. 289, op. 1, d. 960, l. 27 ; SA AR, f. 289, op. 1, d. 994, ll. 50, 147.
6. SA AR, f. 289, op. 1, d. 994, ll. 291, 297, 300, 320, 323, 331, 351, 357–358.
7. SA AR, f. 289, op. 1, d. 994, l. 37 ob., 475, 484–486, 488.
8. *Izvestiya Vserossiyskogo Soyuzha gorodov* [News of the All-Russian Union of the Cities], 1915, no. 20, pp. 27 ; SA AR, f. 289, op. 2, d. 85, l. 47 ; op. 1, d. 975, l. 22 ; *Izvestiya Vserossiyskogo Soyuzha gorodov* [News of the All-Russian Union of the Cities], 1916, no. 39, pp. 56 ; SA AR, f. 1, op. 2, d. 1437, l. 50 ; d. 1560, l. 2 ; op. 8, d. 1281, l. 2, 201.
9. SA AR, f. 1, op. 8, d. 1281, l. 163.
10. SA AR, f. 1, op. 2, d. 1560, ll. 36, 50–50 об.
11. SA AR, f. 1, op. 2, d. 1560, l. 18, 28, 30, 43, 51, 56, 63, 67, 87, 89, 90, 115–120, 124–125.
12. SA AR, f. 1, op. 2, d. 1560, ll. 5–6.
13. SA AR, f. 1, op. 2, d. 1437, l. 338, 356, 400.
14. SA AR, f. 1, op. 1, d. 975, l. 1–16, 149–149 об. ; d. 994, l. 633.
15. SA AR, f. 1, op. 1, d. 994, l. 552–553, 98.
16. SA AR, f. 1, op. 1, d. 960, l. 212, 444.
17. SA AR, f. 1, op. 2, d. 1437, l. 115, 122, 138, 302–309.

КУЛЬТУРНО-БЫТОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКОГО СЕЛА В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 гг.): НА МАТЕРИАЛАХ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Красноженова Елена Евгеньевна, кандидат исторических наук, доцент

Астраханский государственный университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: elena@inbox.ru

В статье рассмотрены особенности решения культурно-бытовых проблем сельских районов Нижнего Поволжья в период великой Отечественной войны. Показаны трудности,